

- ⁴ См.: *Acheson T. W. King, George Edward* // Dictionary of Canadian Biography Online. URL : www.biographi.ca/009004-119.01-e.php?&id_nbr=6823 (дата обращения: 21.11.2011).
- ⁵ См.: *Ross G. W.* Op. cit. P. 164.
- ⁶ Ibid. P. 165.
- ⁷ Ibid. P. 167.
- ⁸ Ibid. P. 165–166.
- ⁹ Ibid. P. 63.
- ¹⁰ *Jeffers J. F.* A history of Canada. For the use of schools. Toronto, 1875. P. III.
- ¹¹ См.: *Archer A.* A history of Canada. For the use of schools. L., 1875. P. 447.
- ¹² См.: *Jeffers J. F.* Op. cit. P. VIII.
- ¹³ См.: *Archer A.* Op. cit. P. 448–449.
- ¹⁴ Lovell's history of the Dominion of Canada and other parts of British America. Montreal, 1876. P. 110.
- ¹⁵ *Archer A.* Op. cit. P. 453.
- ¹⁶ *Archer A.* Op. cit. P. 449 ; Lovell's history of the Dominion... P. 110 ; *Jeffers J. F.* Op. cit. P. 135.
- ¹⁷ *Archer A.* Op. cit. P. 449.
- ¹⁸ Ibid. P. 452.
- ¹⁹ См.: *Jeffers J. F.* Op. cit. P. 215.
- ²⁰ Ibid. P. 156.
- ²¹ *Archer A.* Op. cit. P. 453.
- ²² См.: *Ross G. W.* Op. cit. P. 63.
- ²³ См.: *Archer A.* Op. cit. P. 444–447 ; *Jeffers J. F.* Op. cit. P. 302–305; *Miles H. H.* A school history of Canada. For the use of elementary and model schools. Montreal, 1870. P. 301–305.
- ²⁴ *Collier W. F.* History of the British Empire. For the use of schools in British North America. Toronto, 1871. P. IV.
- ²⁵ *Thompson E.* History of England. Toronto, 1878.
- ²⁶ См.: *MacKenzie J. M.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester University Press, 1984. P. 177.
- ²⁷ См.: *Collier W. F.* Op. cit. P. VVII ; *Thompson E.* Op. cit. P. IXX.
- ²⁸ См.: School Books Collection of the Archives of Ontario Library. URL : www.archives.gov.on.ca/english/about/library_118.aspx (дата обращения: 21.11.2011).
- ²⁹ Lovell's history of the Dominion ... P. 4.

УДК 94" 15/18"

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «МУСУЛЬМАНСКОГО РЕНЕССАНСА» В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

С. А. Богомолов

Ульяновский государственный университет
E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Данная статья содержит краткий анализ теоретических основ «мусульманского ренессанса» в Британской Индии в последней трети XIX в. Автор анализировал публикации У. С. Бланта, У. Г. Грегори, М. Р. Ахмада, Хаджи Гулам-ус-Саклайна по этой проблеме. Автор придерживается мнения, что британские политики и мусульманские интеллектуалы создали эффективную модель модернизации мусульманской общины в Британской Индии.

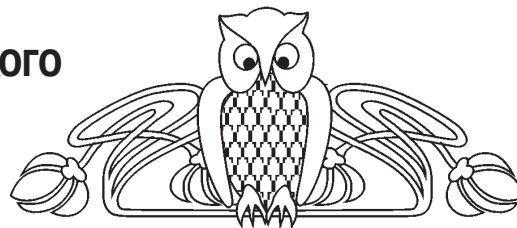
Ключевые слова: Британская империя, Османская империя, Индия, колония, ислам, «мусульманский ренессанс», Абдул Хамид II, У. С. Блант, У. Г. Грегори, М. Р. Ахмад, Хаджи Гулам-ус-Саклайн.

The Theoretical Bases of the «Mohammedan Renaissance» in the British India in Last Third of XIX Century

S. A. Bogomolov

This article contains the brief analysis of the theoretical bases of «Mohammedans Renaissance» in the British India in the last third of XIX century. The author analyzes the publications of W. S. Blunt, W. H. Gregory, M. R. Ahmad, Khawji Ghulam-us-Saqlain on this problem. The author is of the opinion that the British politics and Mohammedan intellectuals created the effective model of modernization of Mohammedan community in British India.

Key words: British Empire, Ottoman Empire, India, colonia,

Islam, «mohammedan renaissance», Abdul Hamid II, W. S. Blunt, W. H. Gregory, M. R. Ahmad, Khawji Ghulam-us-Saqlain.

Одной из главных проблем колониальной истории Индии является проблема зарождения и эскалации конфликта между индусской и мусульманской общинами. После подавления в 1857–1859 гг. Великого мятежа сипаев и ликвидации власти Моголов в Индии был нарушен межэтнический и межконфессиональный баланс, что привело к дестабилизации ситуации. Все попытки британской колониальной бюрократии нормализовать отношения индусов и мусульман провалились, что и привело в итоге к расколу Британской Индии на два независимых государства – Индийский Союз и Пакистан.

В отечественной литературе данной проблеме уделялось много внимания. А. А. Прусаускас отмечал, что до 60-х гг. XIX в. британцы стремились опираться на индусскую элиту, обеспечивая ее образование по европейским образцам, допуская к участию в колониальной администрации и экономике. В итоге мусульманская элита потеряла свои административные посты и сословные привилегии, что вызвало снижение уровня жизни и социальную деградацию всей уммы. Религиозный обскурантизм стал серьезной помехой для обучения мусульман в британских школах и

университетах, что, в свою очередь, блокировало их участие в модернизации колонии. Обострение межэтнических отношений заставило британцев принять меры к восстановлению баланса, т. е. начать протекционистскую политику по отношению к мусульманам. Так, по закону о муниципальных советах 1882 г. мусульмане получили специальные квоты для своих выборных представителей¹.

Включение в экономические, политические и социальные структуры колониальной Индии требовало комплексной модернизации индийской уммы. Ю. А. Пономарев считает основоположником этой модернизации Сайида Ахмад-хана, который основал в 1866 г. в Алигархе Ассоциацию Британской Индии. Одновременно он начал издавать «Алигархскую институтскую газету», а в 1877 г. открыл в Алигархе Англо-восточный мусульманский колледж. Модернизация мусульманских организаций началась не только в северо-западной, но и в южной Индии. В 1867 г. в Деобанде Мухаммед Касим организовал просветительскую организацию «Дар-ул-улум», а в 1881 г. в Бомбее – «Анджуман-и-ислам». Опираясь на эти центры, мусульманская элита выступила за переход от традиционного религиозного к современному светскому образованию, за просвещение всей уммы как необходимую предпосылку восстановления потерянного статуса².

Британский главнокомандующий Ф. Робертс утверждал, что «во время первых лет нашего правления в Индии индусы и мусульмане были расположены молчаливо с ним соглашаться – благословление отдыха и мира после длительных ссор и анархии было слишком реальным, чтобы не цениться, но время шло, и появилось новое поколение, которое забыло прошлые бедствия, которое было реально обижено и беспричинно недоволено, которое было готово предъявить обвинения за их реальные или выдуманные несчастья своим иностранным правителям». Генерал предостерегал против чрезмерного доверия к внешне лояльным мусульманам. «Мусульмане обращаются назад, к дням их империи в Индии, но отказываются вспоминать, как индусы взяли верх до тех пор, пока мы не разрушили державу маратхов. Их муллы учат их, что для истинного мусульманина законно подчинение правлению неверного, только если нет возможности для успешного восстания, и они ожидают шанса, когда снова станут способны восстановить исламское превосходство. Индусы, в свою очередь, не могут забыть, как они изгоняли мусульман, и они воображают, что судьба британского раджа может зависеть от их благодарности»³.

Губернатор Цейлона У. Грегори полагал, что лояльность индийских мусульман можно обеспечить только восстановив баланс интересов главных индийских конфессий. Мусульмане являлись основой правящего военно-политического слоя в период правления династии Моголов, и их влияние было в наибольшей степени подорвано

в ходе британской экспансии. Последовавшие после подавления восстания сипаев репрессии окончательно превратили индийских мусульман в дискриминируемое меньшинство. Чрезмерно усилившаяся индусская элита сознательно провоцировала мусульман на вооруженное сопротивление и беспорядки.

Автор не считал мусульман вечными врагами британской короны. Для представителей данного вероисповедания характерно уважение к силе, и поэтому британская военная мощь стала достаточным основанием как для легитимации новой власти, так и для осознания мусульманами своей зависимости от нее. Эта конфессия в Индии явно предпочитала иметь дело с британскими, а не индусскими чиновниками, которые относились к ним так же, как и к индусским низшим кастам. У. Грегори подчеркивал, что мусульманские газеты заметно отличались от индусских своим пробританским тоном. Хайдабад и другие города с преобладанием мусульманского населения были безопасными для европейцев в любое время суток. В свою очередь британцы должны сделать шаги навстречу индийским мусульманам. Грегори высоко оценил усилия вице-короля лорда Даффрина, допустившего мусульман к медицинской службе, организовавшего в университете Мадраса изучение арабского и персидского языков. Навстречу им пошла лондонская туристическая фирма Т. Кука, обеспечившая транспорт и питание для ежегодного хаджа 8–10 тысяч паломников в Мекку через порты Индии. Ф. Робертс использовал высокий уровень военной подготовки мусульман, комплектуя из них кавалерию для пограничной службы⁴.

У. Грегори полагал, что классическая имперская формула «разделяй и властвуй» устарела в Британской империи в конце XIX в., так как империей нельзя больше управлять, натравливая один ее народ на другой. Это управление больше не могло основываться исключительно на экономической эксплуатации или на военной силе, но требовало постоянного подтверждения превосходства уровня развития и эффективности британской администрации. Поэтому нельзя допускать проявлений грубости и необразованности европейских служащих и инженеров, которые подрывали бы престиж белой расы и разрушали уважение индийцев. «Наше управление Индией в сущности – это управление престижа, веры в наши огромные ресурсы, в справедливость, в способность управлять, и если эта вера будет разрушена, рука власти будет парализована»⁵.

Известный «исламофил» и критик британской имперской политики У. С. Блант различал две группы индийских мусульман. На западном побережье, в Бомбейском президентстве, и на Цейлоне осели потомки арабских мореплавателей и торговцев, которые выполняли «двойную миссию пропаганды веры и зарабатывания денег». Эти мусульмане отличались успехами в коммер-

ции, ремесле и были достаточно богаты, но в то же время «старомодны» и мало интересовались западными идеями. Другую часть индийской уммы составляли потомки тюркских завоевателей, которые проникали в Индостан с севера. Мусульмане внутренних дистриктов Мадраасского президентства были потомками «крайней волны завоеваний Моголов на юге». После ликвидации мусульманской власти эти военнослужащие из оккупационных гарнизонов, не способные ни к торговле, ни к ремеслу, изолированные от местного индусского населения, стали беднейшей общиной Южной Индии. Блант не видел перспектив для их «тяжелой, но неизбежной судьбы» и считал закономерным и естественным их превращение в безземельных батраков и подмастерьев⁶.

В отличие от своих южных единоверцев мусульмане северо-западной Индии готовы к борьбе за восстановление утраченных позиций. Блант видел их силу в сохранении «стандартов чести» и «гордых инстинктов», а слабость – в «предубеждениях и ординарности средств жизни». После британского завоевания и ликвидации туземных армий мусульмане потеряли возможность военной службы. Не имея письменных документов, они теряли права на землю, а не желая учиться в новых светских школах, не могли овладеть английским языком и теряли места в административных органах. Но мусульмане считали, что приняв титул императрицы Индии, королева Виктория тем самым приняла на себя ответственность за благосостояние своих мусульманских подданных. Они требовали исправления несправедливости британских чиновников, которые конфисковали земли, потому что ошибались в титулах землевладельцев. Мусульмане считали неприемлемым использование доходов с их бывших земель для финансирования школ, в которых учились только дети индусов. «Интеллектуально равные и морально превосходящие своих соседей мусульмане верхней долины Ганга не забыли, что совсем недавно администрация Индии была в их руках».

Блант считал «неумной» британскую политику дискриминации мусульман, которая увеличивала их «подавленную энергию». Он выступал против обвинения мусульман в фанатизме и требовал лучше учитывать особенности их мировоззрения. Мусульмане привыкли к авторитарной и в то же время патерналистской власти и поэтому, в отличие от британцев, ожидали от правительства заботы и внимания, воспринимая его как «фонтан авторитета и власти». Они воспринимали политические и религиозные институты как тождественные и поэтому не понимали индифферентности британской администрации и к своей, и к чужим религиям. Блант отстаивал необходимость рационального реформирования мусульманского права. Он различал среди реформаторов партии «крайних инноваций» и «умеренных действий», причем их соперничество становилось «знаками здоровой жизни». Блант оценил основание мусульманского

колледжа в Алигархе как доказательство возможности развития ислама в условиях интеллектуальной свободы, считая, что это «штаб-квартира новой школы ... величайшее и наиболее успешное образовательное учреждение, созданное чисто туземными усилиями»⁷.

В изменившихся условиях мусульманские интеллектуалы начали переосмысление настоящего положения и будущих перспектив развития индийской уммы. Хаджи Гулам-ус-Саклайн отметил тот парадоксальный факт, что в индийских владениях британской короны проживало 57 млн мусульман, что превышало население таких крупных мусульманских стран, как Турция и Персия. «Англия определенно христианская держава и ... в другом смысле величайшая мусульманская держава в мире». В «уникальной инстанции империи, которая охватывает все религии и расы на лице земного шара» европейский христианский элемент естественным образом управляет и доминирует, но при этом «мусульмане как народ – это наиболее важная часть тех бесчисленных масс людей в Индии, над которыми наша королева Виктория является полноправным сувереном»⁸.

Хаджи Гулам-ус-Саклайн был уверен в способности и желании индийских мусульман заимствовать идеи и ценности западной цивилизации. Очагом такого заимствования стал колледж в Алигархе. Его учащиеся – это «последователи Пророка, которые интеллектуально свободны и могут изучать любые науки и искусства, какие захотят; которые могут объяснять новые философские теории, развивать новые религиозные спекуляции или использовать новые идеи социальной жизни и которые могут безо всяких помех начать движение по пути прогресса и цивилизации». Автор подчеркнул, что, в отличие от своих единоверцев в Турции и Персии, мусульмане в британских владениях – в Индии и Египте – имели свободу вероисповедания, слова и печати, благодаря чему их объединяло чувство единой национальности и общественного духа. В основе новой мусульманской идентичности лежала новая литература: «...красноречивые сочинения и речи досточтимых сэра Сейида Ахмада Хана Бахадура и Нанаха Мохсин-уль-Мульк Махди Али и несравненные поэмы великого национального поэта Хали пробуждают во многих мусульманах новый дух». Другим выдающимся представителем мусульманских интеллектуалов автор считал Сейида Махмуда, члена Верховного суда Аллахабада, чей «гений законодателя и юриста сделал его имя знаменитым в юридическом мире»⁹.

В то же время «мусульманский ренессанс» был невозможен без активного использования достижений западной культуры. Инструментом процессов вхождения мусульман в «индийский мир литературы и политики» стали мусульманские образовательные конференции, которые регулярно проводились во всех частях Индии. По мнению Гулам-ус-Саклайна, индийские мусуль-

мане должны изучать английский язык, благодаря чему они получают возможность читать английскую литературу и политические документы. Овладев английским языком, они включатся в единую систему коммуникаций Британской империи и всей мировой цивилизации. Они перестанут быть «молчащим» объектом и превратятся в «говорящего» субъекта как индийской, так и мировой политики. Уже сейчас «эти люди читают и восхищаются произведениями Теккерея и Карлейля, читают статьи Теннисона и Маколея, изучают работы м-ра Герберта Спенсера и Дарвина, трактаты м-ра Морли и Фреда Гаррисона. Некоторые из них следят за дебатами в парламенте и читают речи м-ра Гладстона, лорда Солсбери, лорда Розбери, сэра Уильяма Харкурта. Они могут понять курс английской политики и направление европейской дипломатии и они оценивают обычную английскую литературу так же, как англичане, которые читают свои утренние газеты и ежемесячные журналы ... Они внимательно читают и обсуждают все, что говорится в любой части «цивилизованного мира» о мусульманах, благодаря тому что пресса знакомит их с такими материалами. Они одобряют и осуждают, восхищаются и ненавидят, и каждый мусульманин в Британской Индии, который может читать и понимать диалект страны (урду), получает возможность выразить свое мнение даже в отдаленнейших уголках мира и формировать свои заключения по любым вопросам»¹⁰.

Хаджи Гулам-ус-Саклайн убежден в том, что индийские мусульмане лояльны к Великобритании на основании своих «убеждений и интересов», так как благодаря британской власти они получают гарантии безопасности и возможности прогресса, отсутствующие в других мусульманских странах. Но одновременно он предупреждает английских политиков об опасности «очень узкомыслящей и близорукой политики» конфронтации с исламским миром, которую демонстрирует Россия в ее стремлении уничтожить Турцию. «Крестовый поход ... христианских фанатиков в различных частях христианского мира против ислама и мусульман», заявления об «ошибочности и негуманности» исламской религии являются элементами «кампаний оскорблений ... расовых и религиозных предрассудков». Автор продемонстрировал обычный британский прагматизм: «...элементы христианской предубежденности и фанатизма необходимо полностью устранить из внешней политики Британии; естественная предубежденность и чувства христианского населения будут нейтрализованы равно сильным предубеждением мусульманского населения империи и поэтому вопрос необходимо оставить в сфере секулярной политики»¹¹.

Маулви Рафиуддин Ахмад обратился к проблеме роста национально-освободительного движения на фоне голода, чумы и других стихийных бедствий в Индии. Характерно, что мусульманский автор отметил активизацию

антибританских выступлений в индусских дис-триктах. Во время празднования бриллиантового юбилея Виктории в Пуне произошло скандальное убийство двух английских офицеров. Кроме того, британская администрация арестовала двух брахманов («браминов») по обвинению в заговоре против британского правления («раджа») и за публикацию антибританских статей в местной прессе. На другом краю Индостана, в Калькутте, местные мусульмане из низших каст строили мечеть на земле индусского «лендлорда» и отказались прекратить строительство по его требованию. С помощью полиции толпа была рассеяна, «незаконная оккупация» прекращена, порядок восстановлен¹².

Ахмад считал эти инциденты случайными и не связанными между собой. В Пуне англичан убили по мотивам личной мести за их произвольные жесткие действия во время ликвидации эпидемии чумы. Сопутствующая этому антибританская агитация в прессе не была слишком опасна и не связывалась с актами насилия. Пусть «брамины» Южной Индии ведут «конституционную агитацию против правительства ... некоторые из них пишут очень подстрекательские и призывающие к насилию статьи в своих газетах. Возможно, что их речи и сочинения наносят некоторый ущерб правительству, но я не верю, что их газеты или агитация в какой-то значительной степени повредят фундаменту британского правления в Декане». В Калькутте же имел место обычный в Бенгальском президентстве инцидент, который был «опрометчивым и фанатичным актом нескольких невежественных людей и не имел никакого политического значения». Автор считал ненужным «намордник» цензуры для индийских газет, там как доля «подстрекательских» статей в них сравнительно мала и не вызывает эффекта. Эти газеты не могут разрушить лояльности к британскому правительству индийских мусульман, которые «разделяют законную гордость с английскими гражданами за величие и процветание империи»¹³.

Для М. Р. Ахмада индийские мусульмане – это органическая часть мировой уммы, а «мусульманский Ренессанс» в Индии – это часть мирового исламского возрождения после «трех веков социального и политического декаданса». Политическое пробуждение индийских мусульман становилось важным фактором мировой политики, в частности отношений Великобритании и Османской империи. Автор возражал против обвинения мусульман в агрессивности и стремлении обратиться другие народы в свою веру. Он доказывал, что активизация мусульманских политических движений – это проявление «естественного чувства самосохранения и самоуважения», ставшее реакцией на антиисламскую и антитурецкую кампанию в британской прессе после «резни в Сассуне» (погромы армян. – С. Б.). По мнению Ахмада, «передовые либералы с партийным фанатизмом» и «тайной

ненавистью к исламу» развернули «поношение и неистовое обвинение турецкой расы, мусульманского права и главы мусульманской веры». Халиф Абдул Хамид II превратился в «Абдула Проклятого» и «Великого Асассина»¹⁴.

М. Р. Ахмад предупредил о негативных последствиях конфронтации Великобритании с исламским миром, но при этом не собирался оправдывать уничтожения армян. «Эхо яростных обвинений ислама и его халифа в Англии достигло всех частей мусульманского мира ... многие мусульмане получили образование в Европе и достаточно компетентны, чтобы понять грубые просчеты армянской политики Высокой Порты, и более того, они не делают секрета из осуждения поведения самого султана». Но христианский ригоризм У. Гладстона и британских радикалов вместо осуждения мусульман-погромщиков превратил их в «патриотических героев ислама» и защитников мечети Святой Софии от «нового крестового похода».

Репутация Абдула Хамида в мусульманском мире была спасена «флибустьерской экспедицией» греческих войск на Крит, которые были разгромлены в «доминионе султана». По мнению Ахмада, «хладнокровная резня мусульман критскими христианами» стала для всех мусульман очевидным доказательством «несправедливости христиан к исламу». Очень немногие мусульмане знали истинную «силу греческого государства» и действительную боеспособность греческой армии, но зато все помнили, что в течение жизни многих поколений мусульмане не могли одержать военную победу над «неверными». «Глупость Греции» позволила войскам халифа разгромить христианские войска непосредственно в Европе. Турецкий генерал Хафиз-паша стал героем-шахидом. Во время сражения он был дважды ранен, но не покинул войск, продолжал ободрять солдат и был убит третьей пулей.

Во всех мусульманских странах в честь этой победы была зажжена праздничная иллюминация в домах и мечетях. Повсеместно проходил сбор средств для раненных турецких солдат. В «сердце Аравии» Хиджазе арабы забыли свою ненависть к угнетателям Османам и собрали 13 тыс. турецких фунтов. Это был общий праздник суннитов и шиитов, всех исламских сект. Младотурки прекратили свою обычную критику султана, сочтя его «патриотическим сувереном». Мусульманская пресса «комментировала европейский фанатизм с необычайной жесткостью». «Победа, патриотизм, выносливость турецких войск и поражение, коварство, паническое бегство греческих войск стало темой разговоров в мечетях, на рынках, во всех публичных и частных собраниях в исламском мире»¹⁵.

Мусульмане разделены океанами и народами, «диаметрально противоположными им в религии не менее, чем в политических делах». Мусульмане говорят на разных языках и придерживаются

разных политических идей. Они подчинены мусульманским монархам или немусульманским правительствам, часто недружественным к исламу. Но пророк Мухаммед заложил изначальную основу единства мусульманского мира, преодолев различие «ментальных квалификаций». Мусульмане ежегодно собираются в Доме Бога в Мекке для выполнения своего религиозного долга и «прославления имени Бога в универсальном хоре». В «истинной столице ислама» Мекке они «празднуют общее происхождение их религии и империи, обсуждают общую опасность, укрепляют взаимную связь и чувства последователей Пророка во всем мире». Ахмад полагал, что главной темой последних дискуссий во всех мусульманских странах стали «угрожающее отношение христианства к халифу», рост опасности для халифата, святых мест и самого ислама. Он сетует на невежество большинства мусульман в отношении христианских держав, но надеется на их правильную политическую ориентацию. «Все слышали про Англию и Россию ... Возможно, они знают мало о власти и влиянии отдельных стран, но они всегда верят, что Англия друг, а Россия враг султана и ислама». Свободные дискуссии мусульман разных национальностей «на языке арабского Пророка» превращают паломников в хаджи. «Каждый хаджи очищает сердца людей и делает их невинными подобно новорожденным детям, так истинно верующие забывают и прощают индивидуальные ошибки, сектантскую вражду и не думают ни о чем, кроме блага ислама и коллективного благополучия всех его детей». На второе место после хаджи Ахмад поставил мусульман со светским образованием, «ученых докторов ислама, истинных представителей мусульман независимо от касты, цвета кожи или страны»¹⁶.

М. Р. Ахмад подчеркнул особую важность дискуссий мусульман в Мекке, святом городе, куда запрещен доступ представителям других религий. «В соответствии с турецким обычаем в Мекке не было никаких политических митингов. Но неформальные собрания и частные встречи («чаты». – С. Б.) очень часто более далеко идут в своих последствиях, чем короткие и сухие резолюции, принятые официальными конгрессами Восточного мира». Ахмад ссылается на мнение Бланта, подтверждающего высокий уровень неформального влияния хаджи в Индии. После возвращения они сообщают своим друзьям и соседям новости из всех частей исламского мира, знакомят их с последними идеями и доктринами. Поэтому британская администрация должна чрезвычайно осторожно подходить к этому чувствительному для всех мусульман вопросу. Так, в 1896 г. правительство Британской Индии из-за эпидемии бубонной чумы запретило выезд паломников в Джидду через порты Карачи и Бомбея. Запрет был согласован с правительством халифа, но истолкован одним из религиозных лидеров пуштунских племен Хадда-муллоу как проявление «злой воли к исламу» со стороны британского правительства.

По мнению Ахмада, это «смешно» для индийских мусульман, но «воспринимается как истина неужественными афганцами».

М. Р. Ахмад увидел очевидные признаки «мусульманского ренессанса» в изменении внешней политики мусульманских государств. После длительного периода территориальных потерь эмир Афганистана Абдурахман-хан сумел завоевать Кафиристан (Страну язычников) на своей юго-восточной границе, переименовав его в Нуристан (Страна света. – С. Б.) и превратив горцев в мусульман. В 1895 г. персидский принц Шахзада Насрулла-хан посетил Лондон, а в 1896 г. ханы Хивы и Бухары присутствовали на коронации Николая II в Санкт-Петербурге. Это «впервые привело наиболее консервативных и замкнутых принцев Центральной Азии в соприкосновение с наиболее влиятельными столицами христианской Европы». Но самым главным является нормализация отношений между двумя ведущими мусульманскими державами – суннитской Турцией и шиитской Персией. Знаковым событием стало поздравление султаном Абдулом Хамидом II Наср-эд-дин-шаха с юбилеем. Из Константинополя в Тегеран со специальной миссией был отправлен «один из способнейших ученых и дипломатов Турции» министр для публичных поручений в правительстве Камил-паши Муниф-паша. В ответ шах отправил султану ценные подарки, причем посланцы имели «необычайно длительное интервью с султаном». После передачи поздравлений Муниф-паша остался в Тегеране в качестве постоянного посла. Одновременно с этим афганский эмир отправил «редкие подарки» в священные гробницы в Персии. Афганские послы посетили Константинополь, а турецкие – Кабул. «Братские отношения», демонстративные «симпатия и сердечность» наследников Константина и Дария стали основой «мусульманского тройственного альянса», *entente cordiale* «великих мусульманских монархов».

М. Р. Ахмад доказывал, что в интересах Великобритании необходимо стимулировать реформы во всех мусульманских странах, рассматривая их как части единого исламского мира. Ключевым звеном, соединяющим азиатскую и африканскую части мировой уммы, была Турция. Поэтому вредной и бесперспективной является антитурецкая политика правительства Гладстона и других либералов, которая неизбежно поощрит сближение Турции с ее злейшим врагом – Россией. В Петербурге понимали, что Константинополь можно захватить и без войны, если содействовать процессам внутреннего разрушения и в конечном счете добиться «коллапса турецкой администрации». Задачей Великобритании по-прежнему остается блокирование российской экспансии на юго-восток Европы. «Двадцать лет назад лорд Биконсфильд заставил Англию поверить, что Турция проведет реформу администрации, обеспечив ей достаточное время и мир. Сегодня Англия считает, что Турция не улучшается, и она

прекращает поддерживать ее». Но в британских интересах иметь в союзниках сильную Турцию. Для этого необходимо возобновить реформы, привести в порядок систему управления и устранить недовольство подданных султана. И это задача не только для британских политиков. «Долг всех думающих мусульман показать халифу зло его настоящей политики ... и также убедить министров королевы-императрицы восстановить сердечные отношения между своей страной и исламским миром ... Тройственный союз ислама может включать Англию ... Она союзник Афганистана, Турции и лучший друг Персии»¹⁷.

В последней трети XIX в. мусульманская умма Британской Индии прошла через кардинальную трансформацию. После поражения Великого мятежа сипаев индийские мусульмане потеряли политическую власть и традиционные сословные привилегии. Оказавшись в условиях британских реформ перед «вызовом», мусульманская элита сумела переосмыслить новую ситуацию и найти адекватный «ответ». Мусульмане осознали необходимость перехода от традиционного религиозного к современному светскому образованию, к изучению английского языка как средства знакомства и с британской культурой, и с новейшими достижениями западной цивилизации. Индийская умма осталась высокодифференцированной. Низшие мусульманские касты Бенгальского и Мадрасского президентств сохранили традиционный образ жизни и не смогли включить в процесс модернизации. Но мусульмане Пенджаба и Бомбея в кратчайшие сроки преодолели религиозные обскурантизм, предрассудки и стереотипы. Подчеркнутая лояльность к британскому «раджу» позволила мусульманским политикам начать восстановление своих позиций в государственном аппарате, а интеллектуалам через публикации в британских периодических изданиях получить каналы влияния на принятие решений в области индийской и внешней политики.

Примечания

- 1 См.: *Празаускас А. А.* Этнос, политика и государство в современной Индии. М., 1990. С. 32–35.
- 2 См.: *Пономарев Ю. А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М., 1982. С. 24.
- 3 *Roberts S.* Forty one years in India. From subaltern to commander-in-chief. L., 1900. 542 p.
- 4 См.: *Gregory W. H.* The Loyalty of the Indian Mohammedans // *The Nineteenth Century*. December 1886. P. 890–895.
- 5 *Ibid.* P. 899.
- 6 См.: *Blunt W. S.* Ideas about India : III. Mohammedan Question // *The Fortnightly Review*. November 1884. P. 629–631.
- 7 *Ibid.* P. 632–637.
- 8 *Ghulam-us-Saqlain Khawji.* The Mussulmans of India and the Armenian Question // *The Nineteenth Century*. June 1895. P. 927.

⁹ Ibid. P. 928.

¹⁰ Ibid. P. 929.

¹¹ Ibid. P. 931.

¹² Ahmad M. R. Is the British «Raj» in danger? // The Nineteenth Century. September 1897. P. 497.

¹³ Ibid. P. 498, 500.

¹⁴ Ahmad M. R. A Moslem's View of the Pan-Islamic Revival // The Nineteenth Century. October 1897. P. 518.

¹⁵ Ibid. P. 519–520.

¹⁶ Ibid. P. 522.

¹⁷ Ibid. P. 524–526.

УДК 94(420)''16'': 930.1(47)

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

В статье рассматривается проблема освещения и оценки английской революции середины XVII в. видным российским историком, принадлежавшим к «русской школе» в изучении новой истории. Анализируется подход М. М. Ковалевского в объяснении предпосылок и причин революции; показано, что его исследования готовили почву для последующего изучения социальной истории Англии и революционной проблематики в целом российскими университетскими учеными второй половины XIX в.

Ключевые слова: российская либеральная историческая мысль, изучение английской революции середины XVII в., историография.

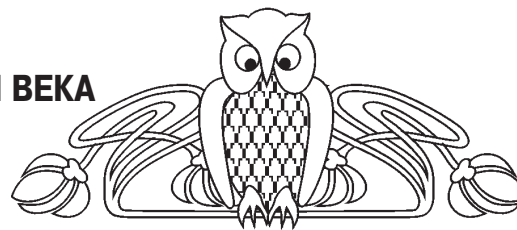
Interpretation of English Revolution of the XVII Century by M. M. Kovalevsky

A. V. Afonushkina

The article is concerned with the contribution of one of the most famous Russian liberal scientists to the history of English revolution research – the important problem of European modern history. It was the first contribution to scientific elaboration of this subject in Russia.

Key words: English revolution research, scientific thought, historiography, Russian liberal science.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), крупнейший представитель «русской школы» историков, был первым в России исследователем социальной истории Англии. Он учился на юридическом факультете Харьковского университета, после окончания которого был оставлен при кафедре государственного права, а в 1872 г. выехал за границу для подготовки магистерской диссертации. Эта поездка сыграла важную роль в формировании взглядов молодого ученого. Он жил в Лондоне, работал в Британском музее. В 1874 г. познакомился с К. Марксом что оказало влияние на развитие его научных интересов. Сам Ковалевский писал в 1909 г.: «Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы, и сосредоточил бы своё внимание в большей степени на ходе развития политических

учреждений, тем более что такие темы прямо отвечали преподаваемому мною предмету»¹.

По возвращении на родину в декабре 1876 г. М. М. Ковалевский стал одним из наиболее популярных профессоров Московского университета, заняв кафедру государственного права европейских государств. Ни одна университетская аудитория не вмещала его слушателей, и Ковалевский читал лекции в актовом зале. Предмет, преподаваемый им, казался «опасным», и в 1887 г. Ковалевского уволили, обвинив в «отрицательном отношении к русскому государственному строю», которое вытекало из «неуместного сравнения» английских порядков с русскими, подкрепленного соответствующей «интонацией»².

М. М. Ковалевский уехал за границу, 17 лет занимался там научными исследованиями и читал лекции во Франции, Англии, США, Италии, Швеции, был одним из организаторов Русской высшей школы общественных наук в Париже. Вернувшись в Россию в 1904 г., М. М. Ковалевский стал участником общественно-политической жизни. Он был членом Государственной думы и Государственного совета, читал лекции в университете, на Высших женских курсах и др. Академия наук избрала его ординарным академиком. Он стал председателем Русского отделения Международного общества мира и Русско-английского общества, был представителем Первой Государственной думы на Межпарламентской конференции мира в Лондоне. По приглашению английского правительства М. М. Ковалевский был членом Верховного трибунала для разрешения споров между США и Канадой, членом многих научных учреждений за границей.

Умер М. М. Ковалевский в 1916 г., завещав свою огромную библиотеку Академии наук и Московскому университету, а свой капитал – Московскому и Харьковскому университетам на выплату стипендий.

Как ученый М. М. Ковалевский интересовался многим. Он был юристом, историком, экономистом, этнографом и социологом широкого диапазона, занимался сравнительной историей права, экономической историей, историей полити-